

Бородинское сражение в современной зарубежной историографии

Бородинское сражение как важнейшее событие российской и мировой истории традиционно привлекает внимание не только отечественных, но и многих зарубежных историков. Как мы уже неоднократно отмечали в ряде публикаций, в зарубежной историографии можно выделить историографические традиции тех народов, которые принимали участие в войне 1812 года в составе армии Наполеона (французов, немцев, австрийцев, поляков, итальянцев, швейцарцев и др.), и тех, кто непосредственного участия в войне не принимал (британцев и американцев)¹. В настоящей публикации мы попытаемся решить три взаимосвязанные между собой задачи: во-первых, познакомить читателей с появившимися в последнее десятилетие (а именно так условно мы определяем понятие «современная» зарубежная историография) зарубежными исследованиями, посвященными войне 1812 года и, в более узком плане, Бородинскому сражению; во-вторых, представить общие тенденции, характерные для работ в рамках этой тематики наших зарубежных коллег; в-третьих, затронуть проблему взаимодействия отечественной и зарубежных традиций в исследовании Бородина и войны 1812 года в целом.

Во французской историографии XX век завершался публикацией ее книги известного французского военного историка Ф.Д. Уртуля «Москва-река - Бородино. Битва редутов»². Книга удивляла прежде всего тем, что в ней не было и в помине последовательного и систематического изложения хода сражения. Вместо этого автор предложил в качестве основной канвы весьма сомнительное расписание Великой армии Наполеона и собственный анализ ее потерь³. Для проверки и уточнения предлагавшихся ранее цифр потерь Великой армии Уртуль попытался, во-первых, просмотреть персональные дела офицеров (ко нечто, далеко не всех), упомянутых в справочнике А. Мартиньена⁴, во-вторых, вникнуть в тонкости подсчета убитых, пропавших без вести и раненых. В целом, по мнению автора, Великая армия потеряла от 4 до 6 тыс. убитыми и примерно 20 тыс. ранеными. Общие же потери русских, по нему, составили 50 тыс. Исходя из этих подсчетов, а так же из убежденности, что Наполеон имел в начале сражения 115 тыс. против 130-140 тыс. русских, и из того факта, что битва открыла во роту Москвы, Уртуль уверял, что французы одержали под Бородином грандиозную победу.

Несмотря на то, что книгу отличал очень решительный тон, при существовании ссылки на малоизвестные материалы, его исследование не могло не вызвать у специалистов множество возражений. Так, автор полагал, что бригада П. Бертезена из Молодой гвардии участвовала в сражении, хотя вполне определенно известно обратное. В отношении 127-го линейного полка Уртуль предложил обратную версию, обнаружив незнание того, что этот полк был прикомандирован к артиллерийскому парку 1-го армейского корпуса. Как и все его французские предшественники, Уртуль игнорировал обширную, хотя и разрозненную, документацию о польских и немецких частях. Остановившись на споре о том, кто же первым вошел в Большой редут, он «уличал» саксонских кавалеристов полка Цастрова в том, что они, исходя из расположения их части во время битвы, просто не могли его атаковать. При этом автор «забывал», что полк Цастрова никогда и не претендовал на честь взятия Большого редута, и речь должна идти о полке Гар дю Кора, который имел все основания заявить о своем первенстве в этом тяжелейшем деле. После выхода книги Уртуля французские авторы собственно о Бородине не опубликовали ни одной работы.

В 2003 г. вышло первое, а в 2004 г. второе издание книги польского автора Петра Дрожджа «Бородино. 1812»⁵. Книга оказалась достаточно объемной (более 250 страниц), со множеством иллюстраций. Однако никаких намеков на новизну и глубину описания Бородинского сражения автор не продемонстрировал. Им была воспроизведена традиционная для польской историографии версия, нашедшая свое окончательное воплощение в работах еще М. Кукеля 1930-х годов и развивавшаяся в том числе и в социалистической Польше Г. Зыхом, Р. Билецким и др.

В 2005 г. опубликовал книгу «Наполеон против России» Дигби Смит⁶, британский военный историк, известный ранее под именем Отто фон Пивка (он в те годы служил в НАТОвских структурах на территории Германии). Применительно к описанию Бородина Смит включил большую часть того материала, который был им уже ранее опубликован в книге 1998 г., которая так и называлась «Бородино»⁷. Хотя Смит побывал дважды на Бородинском поле и сослался на ряд русскоязычных публикаций, основную канву событий он выстроил по хорошо известной в англоговорящем мире старой книге (вышла в 1972 г.) Кристофера Даффи⁸, коллеги покойного Д. Чандлера по Сандхерсту. Судя по количеству книг, которые Смит выпускает каждый год, ему просто было некогда что-либо существенно менять в устоявшихся в англосаксонской историографии по ступах применительно к Бородинскому сражению.

Вслед за ним в 2006 г. британский писатель и военный историк (доаточно широкого профиля) Майкл Адамс (работает в Университете Лондона) издал довольно объемную (596 страниц) книгу «Наполеон и Россия»⁹, легко написанную, с концентрацией внимания на личностных характеристиках участников событий, но, в сущности, довольно поверхностную и также в описании Бородина следующую за общеизвестными в англоговорящем мире предшествующими работами. Предполагаем, что особую роль в разработке Адамсом «концепции» книги сыграла работа Куртиса Кэша, вышедшая в Нью-Йорке еще в 1985 г.¹⁰, а также знаменитая трилогия тоже ныне умершего Пола Бриттена Остина¹¹,

замечательного британского исследователя войны 1812 года.

Подробнее следует остановиться на двух действительно интересных изданиях - работе британского историка американо-польского происхождения, знающего русский язык и работающего ныне в Лондонской школе экономических и политических наук, Адама Замойского «1812: Фатальный марш Наполеона на Москву»¹² и книге грузинского автора, живущего в США (он защитил докторскую диссертацию во Флоридском университете по биографии П.И. Багратиона и работает ныне в Университете Луизианы в г. Шreveпорт), «Сражение при Бородине. Наполеон против Кутузова» (книга вышла в Англии)¹³. Наиболее ценным в работе Замойского была попытка описать частные человеческие обстоятельства «великого отступления» из России, которые, по мнению автора, было бы важно в дальнейшем перенести на сферу национальной памяти. Что же касается собственно Бородине, то вся новизна использованного им материала была относительна. Владея русским языком, Замойский познакомился с публикациями, как он пишет, «новой генерации российских историков», к которым он относил Б.С. Абалихина, В.Г. Сироткина, С.В. Шведова, А.В. Шишова, О.В. Соколова и Н.А. Троицкого. Неоднократно обращался он и к сборникам публикаций Бородинских конференций последних 10 лет, давая, правда, так называемые глухие ссылки и беря из них, главным образом, то, что позволяло всячески умалить результаты сражения для русской стороны. Французские потери (28 тыс.) он давал по достаточно поверхностной книге Ж. Тири, русские потери оценивал от 38 до 58 тыс., отмечая при этом, что, по данным энциклопедии «Отечественная война 1812 года» (М., 2004), русские потери оцениваются современными российскими историками примерно в 45 тыс. Целый ряд важных сюжетов Бородинского сражения Замойский не удостоил даже упоминанием (например, бой в Утицком лесу), в то же время посчитав необходимым воспроизвести весьма спорное утверждение о том, будто «флеш» переходили из рук в руки «более 7 раз», а атаке дивизии Ш.А. Морана якобы предшествовал некий «первый штурм батареи Раевского». Стоит ли говорить, что весь текст, посвященный Бородине, сопровождался множеством частных ошибок: премьер-лейтенант Ф.Л.А. Меерхайм стал полковником, В.И. Левенштерн превратился в 1812 г. в генерала и т.д.

Сильной (или слабой?) стороной книги Микаберидзе, без сомнения, является широкая опора на работы российских историков, появившиеся в последние годы - А.А. Васильева, А.И. Попова, Л.Л. Ивченко, В.Н. Земцова. Отсутствие собственной скрупулезной работы с первоисточниками заставило автора избегать определения собственной позиции, прибегая зачастую к простому изложению существующих точек зрения. И все же несомненными достоинствами книги являются два обстоятельства. Во-первых, западный читатель наконец-то смог познакомиться с наиболее, как нам представляется, обоснованной версией Бородине, рождающейся в рамках российской историографии в последние десятилетия. Во-вторых, автор достаточно уважительно повествовал о русской армии, что, хотя и практиковалось иногда в западной историографии, но не особенно часто. В этом плане хочется напомнить, что на сегодняшний день Микаберидзе играет заметную роль в плане знакомства зарубежной публики с историей русской армии рубежа XVIII-XIX вв. Ему, в частности, принадлежит перевод воспоминаний А.П. Ермолова и книга о русском офицерском корпусе в эпоху революционных и наполеоновских войн¹⁴.

Наш беглый обзор литературы, опубликованной за рубежом в последнее десятилетие и посвященной Бородине, может создать у читателя впечатление, будто бы современная зарубежная историография не представляет для отечественной исторической науки какого-либо заметного интереса. Полагаю, что такое впечатление будет поверхностным и слишком поспешным.

Помимо вышеназванных работ, где основное внимание уделяется Бородине, за рубежом в последнее время вышло множество произведений, в которых поднимаются более общие проблемы, связанные как с войной 1812 года, так и в целом с эпохой наполеоновских войн. В частности, это работа французского историка А. Фийона «Березина: по воспоминаниям тех, кто выжил», исследование Ж. Антрайя «Казаки на Елисейских полях. Оккупация после падения Империи», предельно живое рассмотрение необычной для французской историографии темы в сложном социокультурном контексте, статьи и книга британского автора с русскими корнями Д. Ливена, фундаментальный, прекрасно фундаментальный труд поляка Д. Наврота «Литва и Наполеон в 1812 г.», вышедший в 2008 г., статьи итальянца П. Дель Negro, посвященные воздействию русской кампании на формирование итальянского патриотизма, великолепная работа украинского автора В. Адагурова «Наполеонида», написанная в русле ментальной географии, замечательные работы американского автора итальянского происхождения М.В. Леджера, посвященные в основном периоду 1813-1814 гг.¹⁵, и т.д.

Единственным исключением на фоне значительного интереса к проблемам войны 1812 года в зарубежной исторической науке является ситуация в германской историографии. Для немецких историков изучение 1812 года перестало быть актуальным в связи с появлением в конце XX в. других, более важных для современного германского общества тем (проблемы объединения Германии, взаимоотношений Германии с объединенной Европой, роли Германии в глобализирующемся мире).

Если попытаться суммировать основные тенденции зарубежной историографии последних 10 лет применительно к изучению войны 1812 года, можно сказать следующее:

1. Значительно расширилась тематика исследований как в плане географическом (это проявилось в публикации целого ряда работ, посвященных действиям русской армии), так и в тематическом (началось исследование проблем историко-социального характера и исторической памяти).

2. Оказался в значительной степени преодолен языковой барьер. В настоящее время редкое исследование, вышедшее за рубежом, обходится без обращения к русскоязычным материалам, в том числе архивного характера. Англоязычные авторы стали более широко привлекать немецкие и польские материалы.

3. Значительно расширились межнациональные научные контакты. Это обстоятельство оказалось в немалой степени обусловлено как существованием глобальной сети Интернет, упрощением порядка пересечения границ, так и более интенсивной миграцией в рамках мирового интеллектуального сообщества.

4. Более явно стало ощущаться воздействие результатов методологических поисков западноевропейских и американских исследователей второй половины XX в. Сохранявшийся долгое время некий барьер между прежней историографической традицией, ориентированной на «обычное» прочтение источника, и методологическими поисками в рамках инновационных подходов к концу XX в. стал постепенно преодолеваться.

5. Все обозначенные выше перемены демонстрируют факт значительного ослабления и даже разрушения некогда жестких рамок национальных историографических традиций, укреплявшихся на протяжении почти двух сотен лет. Здесь следует пояснить, что, по нашему глубокому убеждению, для каждой нации, которая так или иначе была вовлечена в глобальный конфликт начала XIX в., была выработана своя, национально-специфическая версия событий войны 1812 года, которая, несмотря на вариации, оказалась очень прочной и слабо поддающейся пересмотру. Сегодня эта национальная замкнутость историографических версий стала заметно преодолеваться.

Эти изменения в зарубежной историографии, помимо всего прочего, происходят и под влиянием тех перемен в отечественной историографии, которые условно можно связать с фактом формирования «научно-критического» направления и которые хронологически, без сомнения, начались значительно раньше, чем перемены в историографии зарубежных стран.

И все же обольщаться на свой счет не стоит. Дело в том, что отход от чисто военной тематики в изучении 1812 года и процесс обновления методологического инструментария происходили и происходят у нас значительно медленнее, чем на Западе. Только в самом конце XX - начале XXI в. стали постепенно затрагиваться проблемы, изучаемые в рамках социальной истории, исторической психологии, истории ментальностей, исторической памяти и других сфер современного гуманитарного знания. Медлительность этого поворота хорошо отразилась в энциклопедии «Отечественная война 1812 года»¹⁶, выполнившей задачу подведения итогов изучения войны 1812 года только частично. Стоит только надеяться, что недостатки этого труда хотя бы частично будут преодолены в готовящейся сегодня новой энциклопедии, которая охватит более широкий хронологический период и будет также более широкой по охвату проблематики. Однако не стоит строить чрезмерных иллюзий и в этом отношении. Великие перемены в гуманитарном знании в целом и в историографических традициях в частности быстро не происходят. Проблема не только в инертности мышления кучки интеллектуалов, проблема в состоянии всего общества, в уровне его общей культуры и в характере его потребностей...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Земцов В.Н.* Бородино в исторической памяти немцев // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. М., 2001. С. 94-120; *Он же.* «Французское» Бородино (Французская историография Бородинского сражения) // Отечественная история. 2002. № 6; *Он же.* Зарубежная историография Бородинского сражения // Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Мемориалы. М., 2003. С. 25-32; *Он же.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. 3-е изд. М., 2008.

² *Hourtoulle F. G.* La Moscowa - Borodino: La Bataille des Redoutes. P., 2000.

³ Отметим, что самым лучшим расписанием Великой армии, без сомнения, является то, которое сделано А.А. Васильевым и А.И. Поповым (*Васильев А.А., Попов А.И.* Grande Armee: Состав армии при Бородино. М., 2002), а русской - принадлежащее А.А. Васильеву и А.А. Елисееву (*Васильев А.А., Елисеев А.А.* Русские соединенные армии при Бородине, 24-26 августа 1812 года. Б.г., б.м.)

⁴ *Martinien A.* Tableaux par corps et par batailles des officiers tués et blessés pendant les Guerres de l'Empire, 1805-1815. P., 1899.

⁵ *Drozd P.* Borodino 1812. Wars., 2003.

⁶ *Smith D.* Napoleon against Russia: A concise history of 1812. L., 2005.

⁷ *Idem.* Borodino, Moreton-in-March. Gloucestershire, 1998.

⁸ *Duffy Ch.* Borodino. L., 1972.

⁹ *Adams M.* Napoleon and Russia. L., 2006.

¹⁰ *Cate C.* The War of the Two Emperors: The Duel between Napoleon and

Alexander: Russia, 1812. N. Y., 1985. В 2006 г., в год смерти Кэйти, эту книгу переиздали французы; можно даже считать, что это последняя книга по 1812 году и Бородину, опубликованная во Франции. Сам же Кэйт родился в Америке, получил диплом историка в Гарварде, а затем изучал философию и политэкономия в Оксфорде, наконец, поселился во Франции и издал ряд замечательных биографий А. Сент-Экзюпери, Ж. Санд, А. Мальро, Ф. Ницше; в довершение всего, он знал русский язык и использовал в своей работе русскоязычные издания, что было для тех лет большой редкостью.

¹¹ *Austin P.B.* The March on Moscow. L., 1993; *Idem.* 1812: Napoleon in Moscow. L., 1995; *Idem.* 1812. The Great Retreat. L., 1998.

¹² *Zamoyski A.* 1812: Napoleon's Fatal March on Moscow. L., 2004.

¹³ *Mikaberidze A.* The Battle of Borodino: Napoleon against Kutuzov. Barnsley, 2007.

¹⁴ *Idem.* The Russian Officer Corps in the Revolutionary and Napoleonic Wars, 1792-1815. Staplehurst, 2005; The Czar's General: The Memoirs of a Russian General by Alexey Yermolov / Transl. and ed. by A. Mikaberidze. Welwyn Garden City, UK, 2005.

¹⁵ *Fillion A.* La Berezina: racontee par ceux qui l'ont vecue. 26, 27, 28 et 29 november 1812. P., 2005; *Hantraye J.* Les cosaques aux Champs-Elysees. L'occupation de la France apres la chute de Napoleon. P., 2005; *Ливен Д.* Россия и разгром Наполеона // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография / Труды ГИМ. М., 2007. Вып. 166. С. 305-337; *Lieven D.* Russia Against Napoleon: The Battle for Europe, 1807 to 1814. L.: 2009; *Nawrot D.* Litwa i Napoleon w 1812 roku. Katowice, 2008; *Del Negro P.* Les Italiens dans la Grande Armee: La campagne de Russie et le patriotisme italien // Revue historique des armees. 2008. Т. 250. Р. 16-24; *Ададуров В.* «Наполеонштад» на Сході Європи: Уявлення, проекти та діяльність уряду Фрашгп щодо твденно-захщних окраш росшськл імперії на початку 19 столптя. Львкв, 2007; *Leggiere M.V.* Napoleon and Berlin: The Franco-Russian War in North Germany, 1813. Univ. of Oklahoma Press, 2002; *Idem.* The Fall of Napoleon. Vol. 1: The Allied Invasion of France. Cambridge, 2007.

¹⁶ Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004.